

18 декабря. Анадырь

Дорогая Веро!

Сегодня встречался с окружным акушером... Никакой надежды на то, что первый младенец двухтысячного года родится на Чукотке, нет. Это можно было предвидеть еще в Москве и даже в Париже, когда всё только затевалось. Стоило лишь пошевелить мозгами. Но куда там!

По словам Александры Андреевны, сегодня родить в тундре и остаться незамеченной нельзя. Последний случай был в Билибинском районе несколько лет назад. (Видимо, о том же рассказала Валентина Ивановна из Тавайваама.) Здесь родить на дому — и то нонсенс. Это не Москва. Сейчас в родильном отделении есть несколько рожениц, и вроде бы они могут родить и тридцатого, и тридцать первого, и первого. Зависит это не от врачей. «Оправиться и родить — нельзя погодить!» — сказала Александра Андреевна.

Есть «кандидаты» и в других районах, хотя все стараются направлять рожениц в Анадырь, причем задолго до родов. Сейчас из Провиденского района доставили беременную, у которой всего четырнадцать недель срока. У нее сахарный диабет, и местные врачи, опасаясь не справиться, таким образом избавились от роженицы. Теперь уже ее никак не отправить обратно, хотя еще нет даже шевелений. А недавно привезли роженицу с туберкулезом легкого: что хочешь, то с нею и делай...

Когда много лет назад Александра Андреевна приехала на Чукотку, ее поразило отношение к коренному населению. Она назвала его жутким словом «геноцид». Его устроила здесь советская власть, привив коренным народам психологию иждивенчества. Александра Андреевна считает, что если народ жил в тундре, то женщины там же, в тундре, должны и рожать, как это было на протяжении тысяч лет. Мы же все это круто

изменили. Как только в тундре объявлялась беременная, ее тотчас вывозили в район, помещали в больницу, где она жила, оторванная от своей среды. За ней день и ночь ухаживали медсестры: поили, кормили, мыли, лечили. Затем она рожала, после чего ей давали пару одеял, кучу пеленок и прочее, необходимое для ребенка. В тундре она бы уже на следующий день трудилась, забыв, кого и когда родила, а здесь у нее начинался «послеродовой период». Медсестры ее вновь поили, кормили, мыли, лечили... Ее невозможно было выписать на шестые сутки, как это происходило с прочими мамами. Коренную роженицу направляли не туда, откуда она прибыла рожать, а в детское отделение, где она вместе с грудным младенцем находилась ещё месяц, а то и больше. Только после этого, если ребенок оказывался здоровым, а мать признавалась «благонадежной», её выписывали домой. Благонадежность выражалась в том, что она не пьет, дает ребенку грудь и не создает угрозу его жизни. А когда выписывали мать, то ребенка могли забрать и в интернат, и куда угодно.

Казалось, какой «геноцид»? Наоборот, всеми способами старались сохранить ребенка и мать. В действительности уничтожали обоих. Но, но, но...

Вопрос о вмешательстве или невмешательстве советской власти в жизнь коренного населения — непростой, хотя уместнее и, быть может, правильнее говорить о вмешательстве в эту жизнь цивилизации вообще. Те же врачи приезжали на Крайний Север из разных концов бывшего СССР и трудились не щадя себя. Они не могли мириться с тем, что увидели, и проявляли искреннее желание помочь таким же людям, как сами. Их можно корить, напоминать, что благими намерениями вымощена дорога в ад, но это было бы не совсем справедливо. В своём анадырском жилище я обнаружил несколько книг, посвященных Северу. В одной из них рассказывается, как ровно сто лет назад, только не зимой, а летом, на Чукотке побывал русский врач И.Акифьев. В 1904 году он издал свои дневники под названием «На Далекий Север». Акифьев был

в составе американской экспедиции, которая искала здесь золото. Пароход стал на якорь у бухты Провидения, и врач сошел на берег...

«При моемъ входе въ одну изъ юртъ мне сейчасъ же указали на одну женщину. Она, совершенно нагая, вылезла из-за полога. Ея голова была покрыта струпьями; воспаленныя, гноящіяся веки съ трудомъ поднимались, распухшія запекшіяся губы показывали белыя десны, сухіе жесткіе волосы на голове перепутались и образовали что-то вроде кошмы. Железы на шее распухли, изъ груди вместе съ сиплыми звуками голоса вырывались свистящія хрипы. Желтая, сморщенная кожа была покрыта слоемъ жира и грязи. Это было что-то ужасное! Она просила меня помочь ей. Я обещалъ, успокоилъ, какъ умелъ, но что я могъ тутъ сделать? Нашъ пароходъ уйдетъ сегодня ночью, а лечить эту женщину нужно цѣлые мѣсяцы, потому что у ней найдется цѣлый десятокъ болезней.

Въ другой юрте я нашелъ больную женщину, подобную первой, и еще больного ребенка несколькихъ мѣсяцевъ; когда его повернули лицомъ ко мне, я, человекъ привычный, невольно отвернулся. Маленькое, красное, сморщенное лицо ребенка представляло одинъ сплошной струпъ.

И не мудрено: одѣтъ онъ въ грязныя шкуры, его носятъ на спине, подъ одеждой, такой же грязной, сосетъ онъ грязную грудь своей матери, мытья не знаетъ. А вотъ молодая девушка, она была бы, пожалуй, не дурна, но за ушами и на шее у нея гноящаяся короста.

Видеть этихъ несчастныхъ, сознавать, что я могъ бы имъ помочь, но никакъ не при томъ образѣ жизни, какой они ведутъ, сознавать, что мои свѣденія не применимы,

сознавать полное свое бессилие в данном случае было больше, чем тяжело».

Примечательны последние строчки. Врач Акифьев — не этнограф Тан-Богораз. И хотя они были на Чукотке примерно в одно время, реакция у каждого своя. Этнограф со знанием дела фиксирует жизнь, глядя со стороны, не помышляя вмешиваться. Врач, давший клятву, отстраненным оставаться не может, даже если осознаёт свою беспомощность: *«...я мог бы им помочь, но никак не при том образе жизни, какой они ведут...»*

Но там, где подчеркнуто безучастен этнограф и мучится от бессилия врач, оказываются всемогущими социальные реформаторы. Они взялись изменить образ жизни и преуспели. И не только на Чукотке. Теперь главной задачей было сохранить малые народы, чтобы они влились в большую, единую и счастливую «семью народов». А начинать эту священную работу надо с самого начала, с зарождения жизни, с беременных.

Нацисты пошли еще дальше. Они начинали с совокупления, создав институт по зачатию истинных арийцев. Кстати, среди различий, которые существовали между двумя тоталитарными режимами (сейчас чаще говорят о сходстве), надо отметить и это: нацисты стремились улучшить жизнь на Земле за счет господства лучшей и качественной расы — арийской. Для чего остальные расы и народы желательно если не подчинить, то уничтожить. Коммунисты справедливо называли это варварством и безумием. Сами они, наоборот, пытались вытолкнуть из настоящего в будущее всех, включая самые отсталые, непросвещенные народы и племена. Для этого их предстояло не уничтожить, а спасти, сохранить и просветить. Во что бы то ни стало.

Где-то прочел, как одного шута вели на казнь, и палач по своей душевной доброте спросил, что тот предпочитает: быть повешенным или обезглавленным? И шуту хватило нахальства ответить, что он предпочитает молочный суп...

«Разве это сохранение? — сетует Александра Андреевна. — Мать сама должна заботиться о ребенке, а мы, врачи, можем только помогать. Но если она с первой минуты привыкает к тому, что за ее ребенком ухаживают другие, а сама его не видит, то что из этого может получиться? Вот они и не знают, что делать с ребенком. Сколько случаев, когда, вернувшись из роддома в тундру, они теряли детей, оставляли без присмотра, и, случалось, голодные собаки их загрызали. Как это так? За каждой роженицей ходят по три медсестры, затем акушерка с гинекологом, потом детский врач... А они, пойдите посмотрите, стоят под лестницей, курят и болтают. Кто, в конце концов, рождает?»

Сегодня Александра Андреевна целый день была занята поиском роженицы, которую доставили на вертолете из далекого поселка. Когда ее привезли в родильное отделение, при ней была трехлитровая банка какой-то дряни. Эту банку Александра Андреевна выбросила, но спустя день исчезла сама роженица: ушла к друзьям! К каким друзьям? Никто не знает. А если она там родит? И кого она в этом случае родит? Не первого ли младенца двухтысячного года, специально для меня?

Окружной акушер считает, что, если женщина хочет рожать, пусть рождает. Но прежде пусть подумает, во что ребенка завернуть, во что одеть, чем накормить, куда уложить. Почему русская мама должна об этом думать и заботиться, а чукотская — нет?!

Я привел в пример Марию Васильевну из Билибино, которая не только родила восьмерых детей, причем шестерых — в тундре, но и воспитала их, вырастила, выучила, и теперь они, здоровые и образованные, крепко стоят на ногах. Александра Андреевна говорит, что они потому и здоровые, что рождены так, как должны рожать в тундре. Но развращать, делать из народа иждивенцев — нельзя. «Этим мы их убиваем», — считает она. Вчера одна роженица-чукчанка говорит Александре Андреевне: «Почему мне пеленку не дали?» А она в ответ: «А почему мы должны тебе ее давать? В роддоме их осталось всего двести. С чем мы будем у

остальных роды принимать?» Александру Андреевну возмущает, что все прочие мамы сами заботятся о себе и своем ребенке, а коренным надо обязательно все дать. «Мы сами их к этому приучили, и в этом наша главная вина перед коренными народами».

Может показаться, что Александра Андреевна жестокосердна по отношению к тем, кого наши начальники высокомерно называли «младшими братьями». В действительности же в ее словах гуманизм и сострадание: «Вот они живут в тундре или в далеком поселке, придет пора рожать, и будущая мать, если захочет, выйдет из тундры, придет к нам, и мы с радостью ей поможем».

Окружная акушерка мечтает о современной мобильной медицинской службе, хотя бы отчасти походящей на ту, что организована на Аляске: «Там во дворе больницы стоят три-четыре вертолета, готовые к вылету. Сами больницы небольшие, коек на двадцать. Причем больнички эти практически всегда пустые, хотя все врачи на месте. От них не требуют "койкодни", как от колхозников "трудодни". А у нас, если больница пустует, значит, врачи зря зарплату получают. Почему-то к пожарным отношение иное. Они сидят и, если нет пожара, могут просидеть долго. А в больнице надо обязательно, чтобы лежали больные, и чем больше — тем лучше. Иначе идут сокращения, увольнения»...

В советскую эпоху врачи вылетали в бригады оленеводов, в каждой из которой работали по две-три женщины, и проводили профилактический осмотр. Вылетала в тундру и Александра Андреевна. В первый раз она была шокирована не меньше доктора Акифьева. Зашла в ярангу и прямо в пологе осматривала чукчанку. Говорит, запах там был нестерпимый. Было темно, женщина лежала на шкурах, тут же бегали дети, тут же — собаки, которых надо было отгонять...

Александра Андреевна, как и большинство приезжих, живет в вялотекущем ожидании возвращения. Дети ее уже уехали, и вроде бы ей самой выделили квартиру в Подмосковье. Квартиру

эту она еще не видела, и каково сейчас там, на материке, не представляет. Поэтому, пока позволяет здоровье, продолжает работать.

...Когда мы клянем советскую власть и ставим ей в вину разные пороки, в том числе те, о которых упоминала окружной акушер, надо помнить и о самой Александре Андреевне, и о тысячах таких, как она. Ведь для большинства жителей тундры эта самая «советская власть» олицетворялась не столько далеким или близким начальством, сколько такими врачами, как Александра Андреевна. Без них они так бы и жили в том же виде и с теми же болячками, с которыми их застал сто лет назад врач Акифьев.

В конце разговора я вернулся к главной теме: появится ли на Чукотке младенец в первый час после Нового года? В ответ Александра Андреевна достала журнал рождаемости и положила передо мной. Знакомство с этой документацией оказалось для меня более чем безрадостным.

За прошедший 1998-й год в Шмидтовском районе зарегистрировано сорок родов. В других районах ситуация не лучше, и даже самый плодovitый, Чукотский, не перевалил за сотню. «Кто же вам станет рожать в новогоднюю ночь?» — улыбаясь, сказала Александра Андреевна.

«Ну а вдруг? — умоляюще спросил я. — Ведь они обязаны предоставлять информацию согласно приказу».

«Да, но согласно приказу они не могут родить», — ответила окружной акушер, перелистывая журнал.

В 1999 году первый ребенок на Чукотке родился 1 января, в 22 часа 30 минут. Девочка. Значит, раньше этой девочки кто-то родился в Москве, в Париже и, возможно, даже на Аляске! А следующий ребенок родился на Чукотке лишь 4 января, в 3 часа 40 минут.

В 1998 году первые роды на Чукотке были только 3 января, в 3 часа 35 минут. Родился мальчик. А в 1997 году первой родилась

девочка: 2 января, в 17 часов 25 минут. И во все предшествующие годы ситуация не лучше...

Боже мой! На Чукотке ещё никто не появлялся на свет в первый час наступившего года. Во всяком случае, в журнале это не отмечено. (Мария Васильевна из Билибино рожала вечером перед наступлением 1959 года.) Так что Чукотка, первой встречая рассвет и имея абсолютную возможность стать родиной первого младенца двухтысячного года, в действительности никаких шансов не имеет.

Фиаско мое полное, и, простившись с Александрой Андреевной, я побрел в свою берлогу. Мне уже незачем куда-то ехать. Можно оставаться здесь на Новый год и ждать неутешительных сведений из роддома. Завтра возьму билет на первый посленовогодний рейс в Москву.

**Из книги В.Н.Жука «Мать и дитя».
С.-Петербургъ, 1891. С.320:**

«...въ Италіи съ первой половины XVII-го столетія мужчины стали повсеместно призываться къ родамъ. Во Франціи обычай этотъ вошелъ въ моду после того, какъ Jules Clement въ 1663 г. подаль помощь при родахъ госпоже La-Valiere и заслужилъ этимъ милость Людовика XIV. Съ этого времени вошло въ употребленіе и названіе акушера (почетный титулъ Clement), и даже повивальные бабки перестали довольствоваться довольно лестнымъ названіемъ sage-femme и начали титуловать себя акушерками ("accoucheuse").

Въ Англіи приглашать акушера къ родамъ вошло въ обыкновеніе только въ половине XVIII-го столетія, и тут-то завязалась борьба не на жизнь, а на смерть между

акушерами и повивальными бабками, не желавшими выпустить изъ своихъ рукъ самой выгодной профессіи. Они преследовали акушеровъ всевозможными клеветами, пасквилями, писали воззванія къ публике. Одна изъ нихъ даже напечатала памфлетъ, въ которомъ младенцы, не пришедшіе еще на свѣтъ, просятъ Бога, чтобы Онъ не допускалъ къ ихъ матерямъ акушеровъ, вооруженныхъ смертоносными инструментами. Врачи молчали, и общество решило споръ: повивальные бабки сделались предметомъ общихъ насмешекъ и исчезли въ Англіи. Подобная борьба происходитъ теперь и у насъ въ Россіи въ деревняхъ, где повитухи употребляютъ все средства съ целью отпугать женщинъ отъ акушеровъ и врачей, пока одинъ-два трудныхъ случая не дадутъ имъ возможности установить свою репутацію.

Всего дольше противъ врачей возставали женщины Германіи, которыя готовы скорее умереть, чѣмъ допустить къ себѣ врача или хирурга. Практически изученіемъ нормального теченія родовъ немецкіе врачи могли заниматься только съ основанія родовспомогательныхъ заведеній въ Страсбургѣ (въ 1730 г.), Геттингенѣ (1751 г.) и Венѣ (1752 г.).

Что же касается до акушерской помощи, т.е. "бабичьего дела" у насъ, то мы здѣсь укажемъ только, что первая ученая акушерка, родомъ немка, пріехала въ Россію изъ Брауншвейга вместе съ женою царевича Алексея Петровича, принцессою Шарлоттою, а въ 1718 году явилась въ Петербургъ ученая повивальная бабка изъ Голландіи, почему въ старину повивальные бабки и назывались обыкновенно "бабками-голландками". Въ 1754 году является уже "Проектъ о сохраненіи народа", где въ одной изъ 29 статей признается нужнымъ: "всехъ находящихся въ Петербургѣ и Москвѣ повивальныхъ бабокъ освидетельствовать, т.е. проэкзаменовать въ ихъ искусстве,

докторамъ, лекарямъ и присяжнымъ бабкам, и которые окажутся достойны, темъ давать отъ медицинской канцеляріи указы и публиковать о нихъ для всенароднаго сведенія, привести ихъ къ присяге и назвать ихъ присяжными бабками».

Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»:

«Чукчи — одно из самых здоровых племен в северо-восточной Сибири. В их семьях гораздо больше детей, чем у соседних племен. При описи в Колымском округе в 1897 году приходилось встречать семьи, в которых было 5, 7 и даже девять живых детей. Один человек при двух женах имел 12 живых детей, другой при семи женах (из которых три умерли) имел 14 живых детей.

На Тихоокеанском берегу среди приморских чукоч одна женщина имела 13 детей (7 живых и 6 мертвых), другая — 11 (3 живых и 8 мертвых), одна — 9 (5 живых и 4 мертвых) и т.д. Среди оленных чукоч часто приходилось встречать близнецов. Такая рождаемость ведет к постоянному возрастанию чукотского племени, особенно оленной части его. Прирост населения имеется, несмотря даже на эпидемии, которые свирепствуют в этой стране каждые 10 или 15 лет...

Можно утверждать, что вымирание туземных племен в северо-восточной Сибири происходило в прямой или не прямой связи с воздействием культуры, как это имело место также и в других странах. Население убывало благодаря кровопролитным войнам, которые вели казаки-завоеватели, а также благодаря последующим избиениям, которыми укрощались "мятежи" "немирных инородцев". Сыграли свою роль и жестокие притеснения, непомерные налоги, ранее совершенно неизвестные, и прочие взыскания

со стороны чиновников и казаков, которые нередко обращали в рабство наиболее крепких мужчин и женщин; сюда же надо отнести вымогательства и обман купцов, которые закабали туземцев долгами. Заразительные болезни, занесенные из России, производили опустошение не только среди туземцев, но также и среди завоевателей, живущих в тех же материальных условиях».

**Из книги П.Зайдфудима и Ю.Мизуна
«Российский Север. Проблемы развития»:**

«Наиболее неблагоприятны показатели детской заболеваемости. Если в России за последние годы число детей, которые уже родились больными, удвоилось, то на Севере оно утроилось. Здесь выше уровень младенческой смертности, особенно у малочисленных народов. Так, если в среднем по стране до одного года умирает 17 — 18 детей (на 1000 родившихся), то у малочисленных народов Севера этот показатель достигает 40 умерших. Это значит, что практически каждый пятый коренной житель Севера переживает гибель своего ребенка в возрасте до одного года...»